

КУЛЬТУРА

Есть ученые, которые не были удостоены при жизни высоких академических званий. Тем не менее с их именами связаны целые научные направления, многочисленные ученики, развивающие наследие своего учителя. Поэтому память о личности и научной деятельности подобных людей долго остается живой. Александр Александрович Реформатский (1900–1978) – бесспорно, один из таких исследователей, оказавших значительное влияние на развитие русистики во второй половине XX в. Он был не только знатоком различных аспектов современного языкознания – от словообразования, фонетики и фонологии, лексики до теории письма, терминологии и машинного перевода. В сферу его научных интересов входили и история языкознания, и проблемы истории русской культуры и быта, и многое другое. Его вспоминают и как мастера стихотворных шуточных экспромтов, и как тонкого ценителя музыки, и как заядлого шахматиста и страстного охотника. Одно из воспоминаний о замечательном ученом мы предлагаем читателям в связи с печальным поводом: в мае 2008 г. исполняется 30 лет со времени его ухода.

Л.П. КРЫСИН

Вспоминая Реформатского

Александр Александрович Реформатский вошел в историю отечественной лингвистики не только как автор классического учебника "Введение в языковедение", но и как глубокий и оригинальный исследователь языка, языковед-теоретик, своими трудами оставивший заметный след в таких областях лингвистической науки, как фонология, морфология, морфонология, орфоэпия, теория терминологии, топонимика, поэтика и др.

Биография и личность Реформатского достаточно хорошо известны в филологической и писательской среде. Эта известность пришла к нему в значительной степени уже после его смерти (в мае 1978 г.) – благодаря многочисленным статьям о нем его учеников, воспоминаниям, ежегодным чтениям, посвященным его памяти. Напомню в связи с этим лишь некоторые публикации: блестящий очерк "Реформатский", принадлежащий перу известной писательницы Н. Ильиной, жены Александра Александровича; в книге "Язык и личность" есть целый раздел, посвященный этому замечательному ученому и человеку; к 100-летию со дня его рождения был подготовлен большой сборник статей и воспоминаний о нем [Ильина, 1991; Язык... 1989; Лингвистика... 2005].

В этих заметках я хотел бы коснуться лишь одной стороны научного творчества Реформатского, которую можно назвать "Реформатский – популяризатор науки о языке".

* * *

Как автор научных работ Реформатский представляет собой достаточно редкий – во всяком случае, для лингвистики – тип ученого, научный стиль которого органиче-

ски сочетает в себе очень разное, часто контрастное друг другу: абстрактные схемы – и конкретные примеры из жизни реальных людей, заковыристый иноязычный термин – и просторечное слово, глубокое теоретизирование – и ёрничанье, шутку, каламбур. (В ученом мире гораздо более распространено "разведение" собственно научного и научно-популярного стилей изложения.)

О яркой индивидуальности и о художественности научного стиля Александра Александровича уже немало говорили и писали раньше (одним из первых – И. Мельчук [Мельчук, 1980], затем другие ученики и сотрудники Реформатского – например в упомянутом сборнике "Язык и личность", на "Реформатских" чтениях). В воспоминаниях Ильиной глубоко и проникновенно говорится о том, как Реформатский читал лекции студентам: "полная непринужденность и почти домашняя разговорность речи"; сама лингвистика, ее понятия и термины забыты, но от этих лекций осталось "живое, горячее отношение к языку". Сухая, строгая наука о языке и непринужденность формы рассказа о ней были у Александра Александровича слиты, сплавлены в нечто цельное, но в памяти слушателей с годами сохранялось лишь индивидуальное, "реформатское".

Я хочу рискнуть и выделить в стилистической манере Реформатского такие черты, которые обличают в нем не только исследователя языковых явлений и фактов, но и популяризатора науки о языке. Естественно, я буду опираться только на письменные его тексты и на свои воспоминания о нем.

Прежде всего хотелось бы задаться вопросом: что требуется от популяризатора научных знаний? Мне кажется, первое – умение рассказывать о науке так, чтобы было понятно профану и при этом вызывало у него интерес. Второе: умение, рассказывая, сохранять все существенное, характеризующее обсуждаемый предмет, не искажать существо дела в угоду доступности изложения. Третье: занимательность, которой рассказчик привлекает профана, не может быть самоцелью, не должна заслонять научную истину.

Иногда от научно-популярной книги требуют еще и легкости, то есть нежелательно, чтобы усвоение ее не специалистом в данной области было сопряжено с интеллектуальными усилиями. Но это совсем не обязательное условие. Сущность многих природных объектов и артефактов, функционирование их, механизмы взаимодействия друг с другом и со средой, как правило, сложны и многоплановы, и постижение этой сложности требует от читателя труда, хотя форма рассказа обо всем этом и может быть занимательной.

Популярное изложение научных истин требует от пишущего использования определенных приемов, в которых не нуждается собственно научный текст. Так, в числе средств, которыми пользуется популяризатор, важное место занимает сравнение. Это вполне естественно и очевидно: сравнивая то, о чем надо рассказать, с тем, что хорошо известно слушателю или читателю, популяризатор делает доступным пониманию непрофессионала это неизвестное, новое для него. Поэтому второй компарат в сравнении часто содержит какую-нибудь бытовую, обыденную деталь или ситуацию. Другие весьма часто используемые приемы: обращение к хорошо известным сюжетам художественной литературы; воспроизведение изречений и афоризмов древних и современных авторов; к месту рассказанный анекдот или расхожая шутка и т.п. Хороший популяризатор, кроме того, не надеется только на свое умение рассказывать – он еще и тормозит читателя (или слушателя), обращаясь к нему с предложением самому поэкспериментировать с предметами (как это предлагал читателю, например, И. Перельман в своих научно-популярных книгах о физике) или поиграть со словами (как это было у Л. Успенского, Б. Казанского и других известных популяризаторов науки о языке, как это делал в своих занимательных книгах об орфографии и в учебниках для школьников М. Панов, которого, кстати сказать, Реформатский очень любил и ценил как ученого).

Есть и иные средства, которые используют авторы научно-популярной литературы; о них я упомяну по ходу рассказа об Александре Александровиче в его ипостаси

популяризатора лингвистики. Главной его работой, популяризующей знания о языке, надо считать, конечно, "Введение в языковедение". Этой книгой он вводит студента – вчерашнего школьника – в мир лингвистики. Хотя, по верному замечанию одного из учеников Реформатского – М. Бременера (которого сам Реформатский за его фамилию называл "старославянский еврей"), читая студентам "Введение в языкознание", Александр Александрович «не только "вводил" нас в науку о языке, но сам развивал ее».

Предвижу возможное возражение: любое введение в любую специальность по определению имеет ту же самую задачу – знакомить неспециалиста с основами той или иной науки. Однако из этого совсем не следует, что в подобных книгах непременно присутствуют признаки научно-популярного жанра. И мы все прекрасно это знаем: многие учебники не содержат тех стилистических, композиционных и структурных элементов, которые отличают научно-популярную литературу от обычного учебного текста.

Не так в книге Реформатского, хотя, естественно, автор был обязан следовать определенным канонам, требованиям, предъявляемым к жанру введения. Вот примеры, показывающие, что во "Введении в языковедение" Реформатского имеются черты жанра научно-популярной литературы о языке. Только строгая научность и занимательная популярность здесь оказались в ином соотношении, в иных пропорциях, чем, например, в книгах Успенского и Казанского.

На первой же странице "Введения" [Реформатский, 1967], иллюстрируя социальную сущность языка, Александр Александрович напоминает читателю историю одичавшего и переставшего пользоваться языком Айртона из "Таинственного острова" Жюль Верна и рассказывает о двух индийских девочках, воспитанных в волчьем логове и потому не умевших говорить. А дальше следуют два "мысленных" (кавычки – Реформатского) эксперимента: с ребенком на необитаемом острове и с новорожденными зулусом и китайцем. Оба эксперимента служат здесь идее наглядности, которая – неперенный атрибут научно-популярного жанра.

Сравнение языковых знаков со световыми сигналами светофора – сейчас хорошо известный, даже избитый прием, но одним из первых к этому сравнению, проясняющему специфику языкового знака, прибег автор "Введения в языковедение".

По мере углубления в предмет (язык) и в присущие ему свойства Реформатский становится более скупым на сравнения и наглядные примеры. Но ссылки на то, что известно читателю (из его собственного опыта или из чтения предыдущих глав этой книги), обращение к историческим случаям, к цитатам из античных авторов, из классиков русской литературы – характерны для всей книги. Так, излагая тему "Эвфемизмы", Александр Александрович вспоминает, что когда в 1916 г. был убит Г. Распутин, цензура запретила упоминать в печати его фамилию и даже прозвище ("Старец"), и вместо этого журналисты писали: *одно значительное лицо*. Здесь же приводится и цитата из любимого Н. Лескова – про *бестелесный маскарад* (вместо *народной бани*). В параграфе о народной этимологии – пример с ложным осмыслением слова *солист* – как произведенного от глагола *солить* (пример "привязан" к реальному времени и конкретному лицу).

Обращают на себя внимание названия глав и параграфов во "Введении". Некоторые из них – как в популярной книжке для старшеклассников: "Почему язык не относится к явлениям природы", "Что такое фонетика", "Что такое грамматика", "Свое и чужое" (об исконной и заимствованной лексике). Но все же в большинстве заголовков сохраняется строгость научного стиля, которая характерна и для большей части текста этой книги.

Можно сказать, что в целом "Введение в языковедение" стилистически – все же жанр **научного** текста с *элементами научно-популярного* изложения.

В собственно научных работах Реформатского можно также найти элементы научно-популярного стиля. Особенно характерны его сравнения. Например, морфонологию из-за ее капризности, отступлений от системных отношений, свойственных, с одной стороны, фонологии, а с другой – морфологии, Александр Александрович сравни-

вает с отделом штучных товаров в магазине [Реформатский, 1975, с. 118]. В статье об интонации сугубо научное понятие интонации фигурирует в контексте... капустной кочерыжки, которая "нанизывает" на себя капустные листья, подобно тому, как элементы синтаксической конструкции "нанизываются" на интонацию [Реформатский, 1975, с. 9].

Для позиции Реформатского как популяризатора науки о языке чрезвычайно важна и показательна его рецензия на книгу писателя Б. Тимофеева "Правильно ли мы говорим?", написанная в форме письма, адресованного автору книги, и опубликованная под заголовком "Так как же надо говорить?" Критикуя Тимофеева за негибкую, пуристическую оценку языковых фактов, за то, что автор книги хочет "привести всю русскую речь к одному знаменателю", Александр Александрович говорит о ситуативном и жанровом многообразии речи. Но если в жанрах и ситуациях, связанных с деловыми и официальными отношениями, «не очень-то можно "вольничать словом", а "извольте писать согласно принятой форме"», то дома, в общении с близкими людьми человек «вправе сказать и я *забегу*, и я *заверну*, и я *заскочу*, скажет ли он приятелю я *звякну тебе завтра* или закончит письмо привычным *черкните мне несколько строк*, – все это не может касаться "лингвистической инспекции", и не надо сердиться на "солидную даму", обещавшую своей знакомой что-то "тявкнуть" по телефону! Это все тот же фамильярный стиль, который не подлежит нормализации, так как здесь все зависит от индивидуальной ситуации разговора, важно только, чтобы сам говорящий это чувствовал». Чуть дальше, возражая против представления о языке как о чем-то одномерном, Реформатский пишет: "Язык – не плоскость и даже не панорама, а сложный переплет жанровых и стилевых разграничений" [Реформатский, 1962].

В этой рецензии Александр Александрович многократно указывает автору книги на то, что он рассматривает в одном ряду факты, разные с лингвистической точки зрения. Занимательность, броскость изложения заслоняет у него суть языковых явлений. "Все это, – замечает Реформатский в конце перечня примеров, которые фигурируют в книге Тимофеева, – хотя и разнообразно, но, тем не менее, – утомительно, а главное, от такого смешения различного страдает убедительность правильного" [Реформатский, 1962].

Все, о чем шла речь до сих пор, – скорее, косвенные свидетельства, признаки, по которым в Реформатском-ученом проглядывает Реформатский – популяризатор науки. А сейчас я хочу рассказать о таком виде деятельности Александра Александровича, который, так сказать, эксплицитно – и формально, и по существу – был популяризаторским.

В начале 1960-х гг. журнал "Семья и школа" обратился к Реформатскому с предложением вести в этом журнале отдел о языке. Он привлек к этой работе меня и еще одного молодого научного работника академического Института русского языка АН СССР.

Сотрудника журнала, с которым мы непосредственно обсуждали структуру и характер планируемого отдела и, позднее, материалы для очередных номеров, звали (и зовут до сих пор) П. Гелазония (ныне – главный редактор журнала "Семья и школа"). Это был рослый, склонный к полноте молодой человек, очень приятный, добродушный, с чувством юмора. Александр Александрович немедленно переделал его в *Голозодию*, и эта шуточная форма, вполне в духе других Сан-Санычевых переделок (и слов, и собственных имен¹), звучала в наших разговорах – естественно, в отсутствие Петра Ильича! Она же неоднократно упоминается и в адресованных мне письмах и открытках Реформатского.

По его предложению отдел в журнале стал называться "Поговорим о языке". Про существовал он, к сожалению, недолго – около двух лет. Но в течение всего этого не-

¹ Многие из этих замечательных переделок и созданных на их основе метких прозвищ приводятся в сборнике "Язык и личность" (в разделе "Опыт описания языковой личности. А.А. Реформатский").

большого отрезка времени мы регулярно встречались (обычно в конференц-зале Института русского языка) и обсуждали готовившиеся к публикации статьи.

Гелазония был "заказчик", Александр Александрович – идеолог, а мы – исполнители. Но ролью идеолога Реформатский не ограничивался: он внимательно читал наши статьи, делал много тонких замечаний. Это была не только критика, но и какие-то конкретные предложения, а также короткие рассказы "по поводу". Пожалуй, для меня это был период, когда из этих рассказов "по поводу" я узнал массу живых, как правило, лингвистически интересных деталей из жизни учителей, старших современников и сверстников Реформатского – Д. Ушакова, Л. Щербы, С. Ожегова, П. Кузнецова, В. Сидорова и др.

В заключение хочу вспомнить еще одно наше совместное с Реформатским предприятие, имеющее непосредственное отношение к нашей теме. Осенью 1962 г. издательство "Молодая гвардия" заказало нам – мне и упомянутому выше (но не названному) коллеге – "внутреннюю" рецензию на готовившееся второе издание книги К. Чуковского "Живой как жизнь". Это было сделано по рекомендации Корнея Ивановича, с которым мы незадолго до этого лично познакомились (а поводом к знакомству был вышедший в том же 1962 г. составленный нами под редакцией Ожегова словарь-справочник [Правильность... 1962]).

Александр Александрович принял живейшее участие в обсуждении нашей рецензии. А она получилась довольно большая и подробная, и меня тогда поразила та детальность и обстоятельность, с которыми Реформатский вчитывался в наш текст и высказывался по его поводу. Здесь было немало того, что относилось и к самой рецензии, и к позиции Чуковского, который в данном случае выступал как автор популярной, предназначенной массовому читателю книги о языке. Естественно, многие замечания и рассуждения Александра Александровича касались как раз того, как надо рассказывать о языке людям, далеким от лингвистики. У меня сохранился машинописный экземпляр этой рецензии с карандашными пометками Реформатского на полях. Но эти пометки лишь в малой степени отражают то, что говорил нам по поводу книги Чуковского или в связи с нею Реформатский.

С этой рецензии начались наши поездки в Переделкино, где жил Чуковский, и одна из них (18 ноября 1962 г.) – вместе с Реформатским, обед у Корнея Ивановича, разговоры "мэтров" (один – от литературы, другой – от лингвистики) о языке, о современных писателях и критиках, о многом другом.

Но это – уже иная история...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ильина Н.И.* Реформатский // *Ильина Н.И.* Дороги и судьбы. М., 1991.
Лингвистика. Семиотика. Поэтика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2005.
Мельчук И.А. Памяти А.А. Реформатского // *Russian Linguistics*. 1980. № 4.
Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника. М., 1962.
Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1967.
Реформатский А.А. Так как же надо говорить? // *Русский язык в национальной школе*. 1962. № 1.
Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975.
Язык и личность. М., 1989.